

Гуманитарные технологии в контексте информационной войны

Статья рекомендована Н.И. Кузнецовой 20.11.2015.

АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна

*Доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии РАН*

Аннотация

В условиях современных информационных войн широко применяются социогуманитарные технологии манипулятивного характера. Электронная культура предоставляет широкие возможности для активации архаичных мировоззренческих и поведенческих программ. Сознание «соскальзывает» с уровня системного мышления, достигнутого человечеством к середине XX века, на уровень мышления ассоциативно-картинного, освобождающегося от стремления к пониманию сути рассматриваемых явлений. Формирование современной метакультуры самосознания общества требует разработки технологий согласия, имеющих неманипулятивный характер, эффективно использующих возможности электронной коммуникации для улучшения положения дел в «реале».

Ключевые слова:

гуманитарные технологии, электронная культура, информационная война, архаизация сознания, интеллектуальный суверенитет, метакультура самосознания, неманипулятивные технологии, технологии согласия.

В первом выпуске журнала «Информационное общество» за 2014 г. главный редактор Т. В. Ершова писала об актуальности осмысления авторами журнала феномена информационной войны в условиях мирового политического кризиса. Развернувшаяся в российском информационном пространстве борьба между сторонниками и противниками «майдана», как справедливо отмечает главный редактор, имеет некоторое сходство с давней полемикой западников и славянофилов. Т. В. Ершова пишет: «Пolemика эта возродилась с новой силой, но только теперь в ее арсенале не страницы журналов, а вся мощь информационно-коммуникационных технологий, включая технологии ведения информационной войны» [1, с. 1]. Однако в данном контексте отнюдь не тривиальным выглядит вопрос о том, является ли технологизация информационных взаимодействий лишь внешним выражением неизменной сути обсуждаемых проблем или же меняет их суть и порождает новые сущности, определяющие в конечном счете стратегию и политику не только в виртуальном, но и в реальном пространстве. Ответ на этот вопрос, важный для самосознания информационной культуры и современной культуры вообще, во многом зависит от понимания возможностей и перспектив социогуманитарных технологий.

Г. Г. Почепцов характеризовал информационную войну как коммуникативную технологию воздействия на массовое сознание с целью внесения таких изменений в когнитивную структуру, которые позволяют получить соответствующие изменения в поведенческой структуре [2, с. 20]. Очевидно, что данная характеристика не может

претендовать на статус дефиниции хотя бы потому, что далеко не всякая коммуникативная технология воздействия на поведение людей путем влияния на их сознание относится к разряду информационно-военных. Вместе с тем эта характеристика полезна для понимания природы и особенностей информационных войн — понимания, которого невозможно достичь без должного внимания к информационно-психологическим («коммуникативным», в терминологии Г. Г. Почепцова) технологиям, используемым в информационных войнах и (или) специально создаваемых для их ведения. В книге Г. Г. Почепцова содержится материал, относящийся к информационным войнам в разных сферах — в коммерции и политике, в избирательных кампаниях внутри одного государства, а также между государствами и общественно-политическими системами.

К настоящему времени российское научное и экспертное сообщество располагает ценными работами, относящимися к осмыслению информационной войны именно как межгосударственного противоборства. Речь в данном случае идет о сложном многоаспектном явлении, имеющем наряду с информационно-техническими важными информационно-психологические составляющие. Информационная война в таком смысле определяется как «противоборство между государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам, подрыва политической и социальной систем другого государства, а также массовой обработки населения и дестабилизации общества» [3, с. 304]. В условиях, когда основные усилия и ресурсы сосредоточены на информационно-технических проблемах, связанных с проведением киберопераций и защитой от них, информационно-психологические аспекты информационной войны нередко рассматриваются в качестве некоего «довеска», которому не придается серьезного значения. Например, разработанную в США концепцию «операций влияния» некоторые исследователи склонны выводить за рамки собственно информационной войны. А. В. Бедрицкий объясняет это обстоятельство тем, что проведение операций влияния базируется главным образом на достижениях социологии и психологии и не находится в столь сильной зависимости от технологических инноваций, как осуществление других видов информационных операций [4, с. 111].

М. Либицки, автор одного из первых получивших широкую известность исследований феномена информационной войны, пришел к выводу, что попытки специалистов разного профиля определить, что такое информационная война, напоминают известную притчу о слепых, каждый из которых хотел понять, что такое слон, ощупывая одну из частей тела животного. Полагая, что поиск целостного определения информационной войны — дело неперспективное, М. Либицки предложил различать отдельные формы информационной войны, в ряду которых находится и война психологическая. Особенность психологической войны в данном контексте этот автор видит в использовании информации главным образом против человеческого ума (*use of information against the human mind*), а не против компьютеров [5, р. 35]. Далее в рамках психологической войны выделяются операции против национальной воли (*national will*), против командования противника, против войск, а также культурные конфликты (автор использует выражения «*cultural conflict*», «*cultural warfare*» и немецкое слово «*kulturkampf*»).

Книга М. Либицки написана вскоре после первой войны США и их союзников против Ирака и в значительной мере представляет собой попытку осмысления опыта «войны в Заливе». Однако рассмотрение феномена информационной войны ведется здесь в достаточно широком контексте, содержащем и элементы исторической ретроспективы, и соображения общего характера, способствующие пониманию специфики «взгляда из США» на проблему информационных конфликтов, актуальную для XXI столетия. В частности, экспорт коммерческой информационной продукции (включая «культурную продукцию» Голливуда) выглядит с этих позиций не культурной экспансией, а законной торговой деятельностью, и попытки ограничения такого экспорта со стороны государств-импортеров воспринимаются как покушение на свободу торговли. По мнению М. Либицки, единственный вид культуры, который США целенаправленно и в явном виде стремятся распространить на другие страны — это политическая культура Соединенных Штатов [5, с. 47].

Поскольку реальные или мнимые успехи по внедрению элементов такой культуры официально оцениваются как способствующие выполнению миссии США на планете, закономерным выглядит некогда весьма удивившее российскую общественность высказывание президента США Дж. Буша об учрежденной его страной демократии в Ираке как примере для России. В 2006 г. на совместной с В. В. Путиным пресс-конференции в Санкт-Петербурге Дж. Буш заявил: «Я говорил о своем желании способствовать развитию демократии в различных странах мира, как было в Ираке, где есть свобода религии и свобода слова. Многие хотели бы, чтобы такая демократия была и в России» [6]. Закономерен ироничный ответ российского президента: «Нам бы не хотелось, чтобы у нас была такая же демократия, как в Ираке».

Следует подчеркнуть, что в случаях, когда речь идет о войне информационной, слово «война» употребляется в переносном смысле. Считается, что информационная война, где главным средством противоборства, как явствует уже из названия, является информация, существенно отличается от войны как таковой своим «бескровным» характером. Действительно, это не вооруженная борьба между государствами или социально-политическими группами внутри государств. Тем не менее, учитывая возможные последствия информационной войны, ее не случайно характеризуют как «бескровную, но смертельную».

Информационная война, которую вели США против Ирака в 1991 г., была частью «горячей» войны и во многом обеспечила успех последней. Однако информационная война может иметь место и в отсутствие собственно боевых действий. Сегодня многолетнюю «холодную войну» между СССР и США, окончившуюся распадом Советского Союза, многие авторы называют войной информационной, хотя в тот период этот термин еще не употреблялся.

С 2014 г. мы живем в условиях новой информационно-психологической войны, которая имеет весьма сложный характер и, несомненно, нуждается в объективном анализе и осмыслении. Если верить публичным заявлениям, можно подумать, что все социальные субъекты (индивидуальные или коллективные), имеющие отношение к информационной войне, стремятся лишь защитить себя от враждебной пропаганды, но сами никакой пропаганды не ведут, а всего лишь распространяют правдивую информацию, разъясняя

собственную позицию. Между тем межгосударственное противоборство в информационной сфере стало очевидным.

Еще сложнее обстоит дело с явлением, которое условно может быть названо гражданской информационной войной, или гражданским информационным противоборством. Т. В. Ершова права в том, что характер политических дискуссий в российском обществе дает основание говорить о наличии двух основных «лагерей», состоящих из приверженцев противоположных гражданских позиций. Вполне уместен в этих условиях и призыв к взаимному уважению, как и напоминание о непреходящем значении категорий добра и зла. Однако следует учитывать, что коммуникационные возможности информационного общества существенным образом влияют на наши представления о плохом и хорошем, а технологии воздействия на сознание давно уже освободились от подчинения императиву, предписывающему уважать человека.

Архаизация сознания в эпоху электронной культуры

Вслед за Л. В. Баевой, можно охарактеризовать электронную культуру как совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях стремительного развития и распространения информационных технологий. Особенности электронной культуры связывают с цифровой формой представления, виртуальностью, свободой доступа, открытостью, дистанционностью, либеральностью, дескриптивностью, отсутствием жестких правил (за пределами собственно технических предписаний и ограничений), доминированием визуального над смысловым, инновационностью, технократизмом, высокой скоростью изменений [7]. Пониманию этого типа культуры способствует развиваемая В. С. Степиным концепция культуры как системы надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения. Такая система мыслится как содержащая в себе и реликтовые (устаревшие) программы, и современные, и новаторские. Последние представляют собой программы видов и форм человеческой деятельности, возможных в будущем. Общество должно создавать запас подобных «проектов», лишь малой части которых суждено осуществиться на деле: ведь значимость тех из них, которые будут претворены в жизнь, может оказаться огромной [8]. С этих позиций электронная культура видится не только как немислимая без программирования в узком смысле (создания компьютерных программ), но и как порождающая с беспрецедентной скоростью все новые и новые программы деятельности, поведения и общения людей. Однако статус подобных программ как программ культуры отнюдь не всегда является несомненным.

Латинское слово «cultura» означает возделывание, воспитание, развитие, почитание. Все эти значения так или иначе отражены в практике употребления слова «культура» в повседневной жизни и в трактовках культуры, развиваемых в рамках научных концепций. В быденном языке «культурный» применительно к человеку часто означает то же, что и «воспитанный», а культурное растение противопоставляется дикому, невозделанному. Культура предполагает наличие определенной традиции, однако в обществе, где

изменение ценится больше, чем постоянство, разрыв с традицией — больше, чем преемственность, весьма сложной становится проблема нахождения основ, позволяющих личности определять собственную линию поведения и способы оценки поведения других. Глобальное информационное пространство, сформированное благодаря электронным средствам коммуникации, позволяет массам людей расширять свои представления о допустимых и рекомендуемых формах поведения за счет знакомства (пусть поверхностного) с элементами самых разных культур и субкультур. Аудио-, видеопродукция и игровая индустрия вносят свой вклад в широкое распространение эстетизированных образцов поведения, формально признаваемого не только безнравственным, но и противоправным. Моральный релятивизм — представление об относительном характере любых этических норм и неправомерности выдвижения абсолютных моральных императивов — не является детищем XXI в., однако именно в современных условиях он стремительно расширяет сферу своего влияния и находит все новых приверженцев, причем за пределами узкого круга интеллектуалов. На этом фоне имеет основания суждение о том, что глобализация экономики и создание глобального информационного общества сопровождаются, скорее, разрушением ранее сложившихся культурных систем, чем формированием единой глобальной культуры.

Такого не могли предвидеть мыслители прошлого, верившие в прогресс культуры и нравственности. Показательна в данном отношении идея русского мыслителя В. С. Соловьева, сформулированная в конце XIX в. (то есть в эпоху, которая на фоне стремительного развития информационно-коммуникационных средств выглядит глубокой древностью!), о нравственной подготовке человека к расширению его коммуникационных возможностей. Выделяя три основные формы организации общества — «родовую форму», «национально-государственный строй» и «всемирное общение жизни», философ рассматривал нравственное совершенствование человека и человечества как условие выхода за пределы предшествующей формы в последующую. «Всемирное общение жизни» было для В. С. Соловьева идеалом, связанным с установлением «действительного нравственного порядка», когда человечество природное преобразуется в человечество духовное [9]. Обращение к подобным идеям сегодня уместно и поучительно хотя бы потому, что побуждает задуматься о логике развития техники, открывающей новые возможности для реализации не только добрых начал, но и пороков человеческой природы. Очевидно, что сегодняшний вариант глобализации не является «всемирным общением жизни» в указанном смысле, поскольку достаточные для этого технические возможности не дополняются установлением всеобщих нравственных оснований.

Еще в 1970-х годах авторы доклада президенту Франции [10] предсказывали, что развитие информационно-коммуникационных технологий не оправдает надежд на объединение нации вокруг «огромного культурно однородного среднего класса». По мысли этих авторов, нарождающееся информационное общество будет менее четко социально структурировано и более полиморфно, чем общество индустриальное, — это будет сложное общество культурных напряженностей и культурных конфликтов. Сегодня подобные прогнозы оправдываются. Они верны даже в отношении стран, избежавших

политических и экономических потрясений последнего десятилетия XX в.: оставив в прошлом классовую структуру, сочетавшую универсальную систему норм (тесно переплетенных с религиозными представлениями) с относительно автономными системами разных классов и социальных слоев, эти общества отнюдь не приблизились к состоянию «культурной однородности». Более того, отвергается сама правомерность стремления к подобному состоянию как к цели: ценностью провозглашается разнообразие, понимаемое как проявление свободы.

В России минувшего столетия дважды — после революции 1917 года, а затем в 1990-х годах, происходили радикальные экономические, политико-правовые и социальные изменения, закономерно сопровождавшиеся глубокой трансформацией культуры и нравственности. На смену сословному обществу Российской империи пришло советское общество, стремившееся к полному социальному равенству и почти достигшее его. Идея социальной однородности советского общества сочеталась с идеей единой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Причем именно социалистическая культура и социалистический общественный строй рассматривались как передовые, выгодно отличающиеся от капитализма с его моральным и общекультурным разложением. С крушением советской системы эти идеи утратили актуальность. Россию стали преподносить как страну, отставшую в развитии и стремящуюся вернуться в лоно «мировой цивилизации» в ее современном глобализаторском варианте.

Казалось, перенимая выработанные на «цивилизованном Западе» политические, экономические и культурные формы жизни, можно будет сэкономить творческие интеллектуальные усилия. К сожалению, образцы для подражания оказались далеко не несомненными. Примечательна в этом отношении идея мультикультурализма, активно пропагандировавшаяся в постсоветской России до тех пор, пока сами лидеры Евросоюза не признали провала этой политики в Западной Европе. Поощрение сосуществования в рамках одного общества множества форм жизнеустройства, не имеющих единой основы, которые прежде было принято относить к разным ступеням социального развития, а теперь объявленных всего лишь проявлением разнообразия, создало благоприятные условия для активации архаичных культурных программ. Используя социальные и технологические ресурсы «обществ толерантности», преодолев исторические ограничения и оторвавшись от своей исторической основы, архаичные формы обрели новых носителей в лице квазиполитических субъектов, демонстрирующих враждебность к современной цивилизации и жаждущих ее уничтожения.

Наступивший в 2014 г. кризис в отношениях Российской Федерации с лидерами «глобального общества» должен напомнить российским интеллектуалам о том, что их роль не сводится к пересаживанию заграничных идей на отечественную почву, но предполагает производство собственных новаторских культурных программ, поиск незаимствованных ответов на вызовы современности, выработку адекватных инструментов для осмысления быстро меняющегося мира. Речь в данном случае идет о современном интеллектуальном производстве, которое нельзя заменить возрождением архаики, обращением к западничеству и славянофильству, которое во многом представляет

собой проявление архаизации сознания, связанной со сломом советской культурной системы.

Западничество и славянофильство слишком прочно укоренены в реальности XIX в., когда Россия находилась на доиндустриальной стадии развития и значительная часть населения была неграмотна. Неудивительно, что слабость русской общественной мысли побуждала искать опоры то в культурно-политических формах «просвещенной Европы», то в традициях допетровской Руси, то в идеализированных образах славянского характера. В ходе этих поисков было сделано немало ценных находок, высказано много интересных мыслей, сохраняющих значение и сегодня. Но все же современное самосознание страны не может игнорировать изменений, происшедших в XX столетии. Речь идет прежде всего о создании в СССР мощного индустриального и научного комплекса, о формировании образовательной системы, достоинства которой признают даже яростные противники советского строя. Речь идет также о событиях накануне и о во время Второй мировой войны, обнаруживших неожиданную хрупкость европейской культуры, о выдвижении США на роль мирового лидера, о распаде Советского Союза и деиндустриализации постсоветского пространства, о великом переселении народов на евразийском и других континентах.

Современное национальное самосознание должно учитывать и вызовы нового века. Славянофильство с его постулатом о духовном единстве этнически близких народов — слабый помощник тем, кто хотел бы достичь такого единения в эпоху, когда сознание значительных групп населения формируется и переформируется посредством информационно-психологических технологий, широко использующих манипулятивные приемы. В этом контексте реанимация архаических представлений становится результатом и средством манипуляций. Так происходит, например, когда главам государств приписываются сверхъестественные свойства (положительные или отрицательные), а знатные персоны «медийной деревни» — независимо от рода занятий и образования — выступают экспертами то в области кулинарии, то международного права.

Не лишены оснований утверждения тех, кто говорит, что современное человечество оказалось в ситуации «посткультуры», возникшей в результате кризиса ценностно-нормативных оснований культурных систем. Когда-то считалось, что находиться вне сферы действия подобных норм могут только люди «мало обработанного ума», чье сознание в силу условий жизни осталось «неокультуренным». Однако сознание современного человека нельзя признать необработанным — напротив, оно подвергается излишне интенсивной обработке со стороны множества конкурирующих сил, результатом чего становится не недостаток культуры, а состояние «посткультуры» [11].

Интеллектуальный суверенитет и технологии согласия

В эпоху электронной культуры архаизация сознания проявляется, кроме прочего, в соскальзывании с уровня системного мышления, достигнутого человечеством к середине XX в., на уровень мышления ассоциативно-картиночного,

освобождающегося от стремления к пониманию сути явлений, объективности и логической непротиворечивости. На этом уровне создаются благоприятные условия для того, чтобы неизбежно имеющиеся в обществе различия во взглядах на его настоящее, прошлое и будущее перерастали в информационную войну между носителями этих взглядов. На этом фоне особое значение приобретает проблема интеллектуального суверенитета личности и общества [12], которой долгое время не уделялось надлежащего внимания. Между тем именно интеллектуальный суверенитет является важнейшим условием сохранения социальной субъектности в информационную эпоху.

Под суверенитетом принято понимать верховенство субъекта, его независимость от внешних сил, обстоятельств и лиц. Интеллектуальный суверенитет предполагает прежде всего право субъекта реализовывать возможности своего интеллекта, получая и самостоятельно добывая знания, оценивая поступающие сообщения как истинные, ложные, вероятные, представляющие интерес и т. д., используя релевантную информацию для принятия решений. Следует подчеркнуть, что суверенитет не тождествен произволу. Классический идеал интеллекта предписывает человеку подчинять свой разум требованиям достоверности и логической непротиворечивости, обуздывать страсти, затмевающие рассудок, избегать соблазнов и чрезмерного почтения к мнению авторитетов. Очевидно, что не существует и никогда не существовало абсолютного интеллектуального суверенитета — всегда есть границы, связанные с принятием на веру мнений других людей, восприятием результатов их интеллектуальной деятельности. Эти границы не устанавливаются четко и ясно, но в случае угрозы сужения привычных пределов (действительной или мнимой) возникают напряжения, побуждающие к осознанию значимости интеллектуальных возможностей и прав.

Важнейшим условием интеллектуального суверенитета современного общества является осознание им себя как сложной системы, осуществляющей коммуникацию с другими сложными системами. Используя подходы Ю. А. Шрейдера [13] и В. З. Когана [14] можно рассматривать процесс коммуникации сквозь призму изменений в «инфофондах» (т. е. информационных фондах) участников данного процесса. Инфофонд включает в себя совокупность информационных и интеллектуальных ресурсов, которыми располагает социальный субъект; при этом ресурсы рассматриваются как некоторое целостное образование и соотносятся с целями, ценностями и интересами их обладателя. Происходящие в процессе коммуникации изменения в различных слоях и секторах инфофонда охватывают изменения в знаниях субъекта об окружающей действительности и о себе самом, изменения в языке, на котором представлены эти знания, изменения в способностях коммуниканта воспринимать и аккумулировать сообщения. Принимая во внимание интересы, опыт и жизненные задачи субъекта, следует подчеркнуть значение изменений в тех слоях инфофонда, где определяются ценности, приоритеты и цели, механизмы достижения этих целей, процедуры согласования накопленных и вновь полученных концептуальных конструкций с данными опыта.

Подобные коммуникационные модели не предполагает неперменного равенства или равноправия участников. Например, равноправие заведомо отсутствует в коммуникации «учитель–ученик», протекающей в рамках

традиционного учебного процесса. Изменения инфофонда ученика гораздо больше зависят от информационных воздействий учителя (передающего знания, формирующего определенные навыки, стандарты поведения и ценности), чем изменения инфофонда последнего — от воздействий первого. Информация, получаемая учителем от ученика, пополняет копилку знаний об учащихся, побуждает учителя корректировать методику преподавания, но мало влияет на его знание предмета. Такого рода информационная зависимость предусмотрена заранее, установки педагогической этики предписывают использовать ее на благо ученика и возлагают на учителя серьезный груз ответственности.

Коммуникация крупных социумов, каковыми являются национальные общества, формально является равноправной. Однако порождаемые ею изменения в инфофондах участников значительно различаются по характеру, глубине и интенсивности. Перенесение правил, установок и ценностей, выполняющих организующую роль в инфофонде одного, более «сильного» социума, в другой, более «слабый», при определенных обстоятельствах может привести к дезорганизации последнего. К таким обстоятельствам относятся отсутствие адекватных механизмов интерпретации и условий реализации соответствующих установок, наличие в принимающем инфофонде блокирующих императивов и т.д. Информационное воздействие в этих случаях не является однонаправленным, однако существенно различается качество переносимой информации и характер ее «усвоения». Информация, поступающая от «слабого» коммуниканта к «сильному», помещается, как правило, в раздели инфофонда, аккумулирующие данные и факты, и укладывается в привычные концептуальные структуры. Прямого переноса концептов, установок и ценностей не происходит, однако со временем под влиянием информации, поступающей от «слабого» коммуниканта, в инфофонде «сильного» могут появляться новые концепты и цели. Существенно, что концептуальные элементы инфофонда не заимствуются у информационно «слабого» социума, а вырабатываются в рамках «сильного» с учетом его нового опыта и возможностей.

Реализация интеллектуального суверенитета отнюдь не сводится к охране инфофонда от нежелательных поступлений извне. Во-первых, необходимая коммуниканту семиотическая защита предполагает не блокирование информации, а адекватную ее квалификацию, аналитическое отношение к синкретическим информационным воздействиям. Во-вторых, защитные средства играют вспомогательную роль, обеспечивая условия для обогащения и обновления инфофонда субъекта за счет надежных данных, концептуальных структур и ценностных ориентиров, необходимых для эффективной организации опыта, адекватной постановки и решения задач. Все это предполагает как творческую деятельность субъекта в сфере собственного интеллектуального производства, так и участие во внешних процессах информационной коммуникации.

Постсоветская Россия в лице управленческих структур разного ранга (включая структуры высшего уровня) сознательно заняла позицию слабого коммуниканта во взаимодействии с крупными мировыми субъектами, прежде всего с США, странами Западной Европы и международными финансово-экономическими организациями, где эти страны занимают

доминирующее положение. Такая позиция представлялась выгодной, поскольку позволяла избежать затрат времени и средств на собственное производство интеллектуального обеспечения решений, импортируя готовые инструменты и инструкции по их применению. Вместе с тем сохраняющаяся со времен СССР уверенность в обладании мощными собственными ресурсами — не только природными, но и интеллектуальными — стала одним из важнейших факторов, определивших стремление России проводить независимую внешнюю и оборонную политику. События 2014 г. сделали очевидным противоречие между самосознанием государства и общества, с одной стороны, как интеллектуальной периферии, проводящей финансовую политику по рекомендациям МВФ и встраивающей научно-образовательный комплекс в матрицу Всемирного банка, с другой — как мощного независимого военно-политического субъекта, обладающего необходимым интеллектуальным ресурсом. Именно этот феномен «двойного самосознания» играет определяющую роль во внутрироссийском противоборстве, принимающем вид гражданской информационной войны.

Принято считать, что гражданская война может окончиться лишь победой одной из воюющих сторон. По счастью, это правило неприменимо к информационной гражданской войне. Здесь отнюдь не бесперспективными представляются усилия, направленные на поиск общих оснований в стратегиях враждующих сторон, объединение ресурсов для преодоления «раздвоенности самосознания» и обеспечения интеллектуального суверенитета общественно-государственной системы, необходимого для ее развития и успешного взаимодействия с другими системами. Уместно вести речь о формировании метакультуры общественного самосознания с применением современных гуманитарных технологий.

Следует иметь в виду, что гуманитарные, то есть использующие достижения гуманитарных наук и (или) сфокусированные на человеке, технологии отнюдь не всегда гуманны. В условиях информационной войны негуманные, прежде всего манипулятивные технологии эксплуатируются особенно активно, угрожая утратой социальной субъектности личностям, государствам и обществам. Следует согласиться с авторами, заявляющими о настоятельной потребности общества в использовании аргументационных технологий, основанных скорее на классических (преждевременно объявленных устаревшими) нормах и идеалах освоения человеком мира и взаимодействия людей, чем на псевдосовременных способах повышения эффективности манипуляций. Формирование соответствующей времени метакультуры самосознания общества требует разработки технологий согласия, в которых эффективно используются возможности электронной коммуникации без пренебрежения к реальной жизни, не отодвигаются на задний план вопросы истины и качества знания, поддерживается стремление общественной мысли к логической связности и системности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-03-00248а.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЕРШОВА Т. В. **Информационная война и вечные ценности** // Информационное общество. 2014. № 1. С. 1.
2. ПОЧЕПЦОВ Г. Г. **Информационные войны**. М.: Релф-бук, К. Ваклер, 2000.
3. **Информационные вызовы национальной и международной безопасности** / Под общ. ред. А. В. Федорова, В. И. Цыгичко. М.: ПИР-Центр, 2001.
4. БЕДРИЦКИЙ А. В. **Информационная война: концепции и их реализация в США**. М.: РИСИ, 2008.
5. LIBICKI M. S. **What is information warfare?** Wash.: National defense univ., 1996.
6. **Встреча президентов России и США накануне саммита G8**. РИА Новости. 15.07.2006.
http://ria.ru/TREND/PUTIN_BUSH_STRELNA_140706/
7. БАЕВА Л. В. **Экзистенциальные риски информационной эпохи** // Информационное общество. 2013. № 3.
8. СТЕПИН В. С. **Цивилизация и культура**. СПб.: СПбГУП, 2011.
9. СОЛОВЬЕВ В. С. **Оправдание Добра. Основы нравственной философии**. М.: Алгоритм, 2012.
10. NORA S., MINC A. **The Computerisation of Society**. A Report to the President of France. Cambridge, L., 1980.
11. АЛЕКСЕЕВ А. П. **Культура аргументации в поскультурном контексте** // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2.
12. АЛЕКСЕЕВА И. Ю. **Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе** // Информационное общество. 2001. № 2.
13. ШРЕЙДЕР Ю. А. **Социокультурные и технико-экономические аспекты развития информационной среды** // Информатика и культура. Новосибирск: Наука, 1990.
14. КОГАН В. З. **Человек в потоке информации**. М.: Наука, 1981.